

УДК: 94(571.6)

Во власти чужой фемиды: ликвидация русских судов в Китае в 1920 г. глазами русской общины

Фёдор Алексеевич Попов,

аспирант кафедры истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, Москва.

E-mail: popovf1992@mail.ru

Падение режима А.В. Колчака в начале 1920 г. негативно сказалось на политическом и правовом положении русского населения в Китае. 23 сентября 1920 г. китайские власти ликвидировали российское посольство, осуществлявшее юрисдикцию над российскими гражданами на территории Поднебесной. Закрытие посольства положило начало масштабным изменениям в правовой жизни русской колонии. В статье анализируется реакция русской общественности Маньчжурии на стремление Китая унифицировать судебную систему согласно собственным стандартам. Затрагивается такой эпизод русско-китайских отношений, как поездка нашей делегации в Пекин для переговоров по поводу внесения корректив в правовой статус русского населения. Основываясь на данных эмигрантской прессы, автор рассматривает неоднозначную реакцию отдельных слоёв русского социума в Китае на известие о китаизации суда. Анализу подвергаются нормативно-правовые акты китайского правительства, касающиеся организации судебных учреждений в Маньчжурии и участия в судопроизводстве иностранных (в т.ч. русских) юристов. Многие нормы китайского законодательства вступали в прямое противоречие с российской правовой традицией и, как следствие, были отрицательно восприняты россиянами. Шаги, предпринятые закрываемым посольством в целях защиты интересов российских граждан, рассматриваются на материале опубликованной переписки российских дипломатов. Конфликт между русской колонией и китайской администрацией проиллюстрирован конкретными примерами из юридической практики изучаемого периода. Автор приходит к выводу о целенаправленности действий китайских властей по свёртыванию русской судебной системы. Серьёзные различия российского и китайского правовых стилей мешали гармонизации права в Маньчжурии. Китай, стремясь унифицировать правовое поле и поставить

под контроль национальные меньшинства, тем самым способствовал росту антикитайских настроений в русской среде.

Ключевые слова: экстерриториальность русских в Китае, судебная система Маньчжурии, российско-китайские отношения, влияние российской Гражданской войны на правовой статус русских в Китае, закрытие российских консульских судов в Китае, общественно-политические настроения русской колонии в Китае.

At the mercy of unfamiliar Themis: elimination of Russian courts in China in 1920 viewed by the Russian colony.

Fyodor Popov, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia.

E-mail: popovf1992@mail.ru.

The fall of the A. Kolchak's regime in 1920 had a negative impact on the political and legal status of the Russian population in China. On September 23, 1920, the Chinese government eliminated the Russian embassy, exercising jurisdiction over Russian citizens on Chinese territory. The closure of the embassy marked the beginning of massive changes in the legal life of the Russian colony.

The research studies the reaction of the Russian community in Manchuria to China's effort to unify the judicial system by Chinese standards. The article tells about such episode of the Russian-Chinese relations as the trip of the Russian delegation to Beijing for negotiations about adjustments to the legal status of the Russian population. Basing on emigrant press, the author examines the behavior of some groups of the Russian society in China, whose response to the news about the sinicization of the court was ambiguous.

The article focuses on the normative legal acts of the Chinese government concerning the organisation of judicial institutions in Manchuria and participation in court proceedings of foreign (including Russian) lawyers. Many statutory provisions of Chinese law conflicted with the Russian legal tradition and, therefore, were perceived negatively by Russians. The steps taken by the embassy in order to protect the interests of Russian citizens are described using the published correspondence of Russian diplomats. The conflict between the Russian colony and the Chinese administration is illustrated with specific examples from the practice of law of the analysed period.

The author comes to the conclusion that the Chinese authorities had the purposeful actions to eliminate the Russian judicial system. Serious differences between Russian and Chinese legal styles prevented harmonization of law in Manchuria. China, seeking to unify the legal environment and to control ethnic minorities, contributed to the growth of anti-Chinese sentiment in Russian environment.

Keywords: Russian extraterritoriality in China, judicial system of Manchuria, Sino-Russian relations, impact of the Russian Civil war on the legal status of Russians in China, closure of the Russian consular courts in China, social and political climate of Russian colony in China.

В результате Гражданской войны положение российских граждан в Китае, в особенности в зоне Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), значительно ухудшилось. Территориальный распад державы, некогда диктовавшей Китаю свои условия, послужил толчком для развития в китайском обществе агрессии по отношению к русским. Жизнь русской колонии осложнялась и глубоким внутренним расколом по идеологическому признаку, выразившимся в противостоянии социалистических профсоюзных организаций КВЖД и консервативной администрации генерала Д.Л. Хорвата. Уход последнего со своего поста в марте 1920 г. не положил конец противостоянию на КВЖД. После падения колчаковского режима территория Дальнего Востока России оказалась поделена между несколькими местными правительствами (владивостокским, читинским, верхнеудинским и благовещенским), каждое из которых пыталось самостоятельно вести переговоры с китайским соседом. Неослабевающая партийная вражда между большевиками, умеренными социалистами и буржуазией препятствовала координации сил по защите прав российских граждан на КВЖД.

«Балканизация» Дальнего Востока России (в определённой мере сравнимая с «балканизацией» самого Китая эпохи милитаристов) предоставила Китаю возможность безнаказанно покончить с российскими привилегиями в Маньчжурии. Средоточием этих привилегий была экстерриториальность, т.е. изъятие россиян на территории Китая из-под юрисдикции государства-хозяина и подчинение их российским законам. Декретом китайского президента от 23 сентября 1920 г. прекращалась деятельность российской дипломатической миссии в Китайской республике, вследствие чего российские граждане теряли экстерриториальность и попадали под действие китайского законодательства [7, с. 117; 8, с. 57; 14, с. 79–80]. Наиболее болезненным результатом пересмотра правового статуса русской колонии стало уничтожение её специфической судебной системы, представленной консульскими судами.

Несмотря на обилие трудов, посвящённых русской эмиграции в Китае, проблему уничтожения русской судебной системы в 1920 г. нельзя назвать полностью разработанной. Исследования, написанные в советскую эпоху, несли на себе печать коммунистической идеологии. При освещении событий, связанных с упразднением российских консульств и судов, советские историки однозначно становились на точку зрения представителей Китая, РСФСР и ДВР, игнорируя позицию и аргументы русской общины. Лишение русского населения ряда прав (почему-то называемых «привилегии») представлялось следствием доброй воли советского правительства и трактовалось в позитивном ключе. Так, в своей монографии М.А. Персиц пишет, что «ликвидируя царские консульства, китайское правительство тем самым отменяло по отношению к русским гражданам в Китае права экстерриториальности и консульской юрисдикции, т.е. те кабальные привилегии, от которых Советское правительство уже давно

отказалось» [10, с. 123—124]. Вместе с тем трудно отрицать высокую научную ценность процитированной работы. Автор обращается к прессе просоветской части русской эмиграции, например, к газете «Шанхайская жизнь», которая предоставляет в наше распоряжение немало интересной информации.

Современные российские исследователи уже не испытывали тех трудностей, с которыми было связано ремесло историка в советский период. Однако юридическая история русской колонии в Китае по-прежнему редко попадала в исследовательский объектив. Как правило, ситуация с русской судебной системой на китайской территории остаётся в тени более масштабной проблемы правового статуса КВЖД. Наибольшее внимание судебно-правовому аспекту жизни русской общины уделяется в диссертации Н.В. Куликовой [7]. Невозможно не обратиться к работам Н.Е. Абловой [1] и И.В. Олейникова [9], в которых, так же как и в труде Куликовой, эпизод с отменой русской экстерриториальности помещается в широкий контекст русско-китайских отношений первой половины XX в. Вышедшая в 2016 г. монография Е.М. Наземцевой сконцентрирована, в основном, на событиях, последовавших после окончания Гражданской войны в России, что не помешало автору сделать ряд ценных выводов относительно правовых актов 23 сентября и 31 октября 1920 г. По мнению исследовательницы, «отказ от прав экстерриториальности являлся актом не столько правовым, сколько „темпераментным“ и носил характер скорее идеальный, чем реальный» [8, с. 60].

К числу источников, позволяющих воссоздать картину жизни русской общины в период трансформации привычного для неё правового уклада, относится сборник документов из истории российской миссии в 1917—1920 гг., изданный усилиями самой колонии уже после закрытия миссии князя Кудашева [14]. Помимо прочего, в сборнике представлена переписка Кудашева с его иностранными коллегами — аккредитованными в Китае послами других государств. Материалы данной переписки помогают отследить реакцию иностранцев на отмену российской экстерриториальности.

РУССКИЕ СУДЫ НА КИТАЙСКОЙ ТЕРРИТОРИИ ДО ФАТАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: ПОПЫТКИ НАЙТИ КОМПРОМИСС

До президентского декрета 23 сентября 1920 г. в Китае и Монголии насчитывалось 22 русских консульских суда. Помимо них в полосе отчуждения имелись мировые суды, учреждённые императорским Указом от 20 июля 1901 г. Апелляционной инстанцией для консульских судов была российская миссия, расположенная в Пекине. Из опубликованного под конец 1920 г. «Собрания документов, касающихся деятельности Российской Миссии в Китае» вырисовывается картина юридической жизни

российского представительства. В 1917 г. миссия рассмотрела 12 гражданских, 23 уголовных и 1 смешанное дело; в 1918 — 27, 14 и 1; в 1919 — 26, 30 и 2; в 1919 — 26, 30 и 2; в 1920 — 36, 13 и 1 дело соответственно. Всего миссией было рассмотрено 186 дел, из которых 101 гражданское, 80 уголовных и 5 смешанных [14, с. 30]. Несмотря на многочисленные судебные тяжбы среди русских подданных (после февраля 1917 г. — граждан) в Маньчжурии, система русских судов на китайской почве так и не была отлажена и надлежащим образом закреплена в международных договорах. Согласно Н.В. Куликовой, «своими шагами, такими как запрет публикации указа от 20 июля 1901 г., отсутствие прямого русско-китайского соглашения, Российская империя открыла возможность для последующих недоразумений, проявившихся в 1920 г. в связи с реализацией Декрета об отмене экстерриториальности царской России в Китае» [7, с. 63].

Демонтаж русской правовой системы в Маньчжурии, в т.ч. сети судебных учреждений, встретил противодействие со стороны инициативных сил русской диаспоры. Сразу после опубликования декрета 23 сентября о закрытии дипмиссии, усилиями харбинской колонии была сформирована делегация, куда вошли председатель Городского совета Харбина П.С. Тишенко, председатель Харбинского биржевого комитета В.Н. Водянский, представитель Комитета судебных деятелей Е.Х. Нилос и проч. По прибытии маньчжурской делегации в Пекин она объединилась с русскими представителями других областей Китая, образовав соединённый комитет делегаций. В новообразованный комитет вошли представитель русской колонии в Тяньцзине П.В. Вологодский, представитель русской концессии Ханькоу Д.И. Наквисон, бывший русский консул в Ханькоу А.Т. Бельченко. Представитель Шанхая В.Ф. Гроссе не приехал в Пекин, будучи занят делами на месте: благодаря хлопотам Гроссе российский триколор всё ещё не был спущен с консульства в этом городе. По причине того, что к моменту приезда делегации в Пекин всякая надежда на восстановление российских дипломатических учреждений была потеряна, члены соединённого комитета сконцентрировались вокруг борьбы за сохранение русского суда.

В столице Китая члены делегации первым делом посетили посольства стран-союзниц России по Антанте: французское, американское, британское, японское, а также посольства нескольких государств, не входящих в Антанту, например испанское (следует добавить, что испанский посол являлся одновременно деканом дипломатического корпуса в Пекине). На словах иностранцы выказывали поддержку делегатам, а американский посол даже помог организовать аудиенцию в Министерстве иностранных дел Китая. Переговоры с русскими вёл чиновник министерства Лю Цзинжэн, служивший некогда в Харбине и занимавший дипломатический пост в Петрограде, а потому знакомый с русской и советской проблематикой. Лю Цзинжэну была передана записка, в которой русская общественность излагала свои взгляды на структуру русского суда в новых

реалиях китайской государственности. Делегация выступала не за примитивное консервирование старых устоев, ставших для китайцев символом полукOLONиального положения их страны, но за гармонизацию китайской и русской правовых систем. Согласно записке, над русскими судебными органами устанавливалось китайское управление, которое выражалось в контроле китайских властей за исполнением судебных решений. Утверждение судебных чиновников в их должностях также оставалось прерогативой Китая. Кроме того, русская сторона настаивала на создании в Пекине, при Министерстве иностранных дел, управления по русским делам во главе с китайским чиновником и двумя русскими советниками.

По окончании переговоров большинство членов соединённого комитета отбыло из Пекина для информирования своих организаций и общин о результатах поездки. В китайской столице было оставлено временное бюро в лице Водянского, Изотова и Бельченко. Русские подали ходатайство об аудиенции у президента республики, но ответ на него так и не был получен [8, с. 63; 12].

Русской колонии в Маньчжурии предстоял тягостный период ожидания, причём неприязнь китайских чиновников по отношению к русским, вырвавшаяся наружу после 23 сентября, не оставляла сомнений: проблема судов будет решена Пекином в том же ключе, что и проблема дипмиссии. Русское население охватил панический страх, причина которого крылась в перспективе очутиться во власти китайских судей, пользовавшихся крайне дурной репутацией в глазах не только русских, но и китайцев. Русская правая пресса в красках живописала пороки китайского суда: «Важно отметить, что по отзывам многих китайцев, китайские судьи в китайском обществе не пользуются должным уважением. К ним относятся иногда даже с отвращением и ненавистью. Считается позором выдать свою дочь за китайского судью. По окончании срока своей службы китайский судья зачастую вынужден бывает немедленно со всем своим имуществом и даже родственниками убежать в другую провинцию, где его никто не знает. Иначе ему грозит суровая расправа. Очевидно, что такие нравы вызваны теми приёмами, которые обычно сопровождают деятельность китайских судебных деятелей» [11].

В первых числах октября 1920 г. начался захват русских судов, и это при том, что никакого нормативного акта по вопросу русской юстиции (не считая консульской) выпущено не было. 4 октября отряд китайских солдат под командой китайского чиновника Фу Жэнчэна занял помещение русского Пограничного Окружного суда. В ответ на требование председателя суда В.А. Скворцова подтвердить полномочия Фу Жэнчэн продемонстрировал написанное китайскими иероглифами объявление Гирин-Биньцзянского даоиня и комиссара по иностранным делам от 1 октября. События в Пограничном Окружном Суде всколыхнули русскую колонию и встревожили иностранных дипломатов в Харбине. Японский, французский и британский консулы телеграфировали своим посольствам

в Пекин о материальных и имущественных убытках своих граждан, чьи интересы были вверены русскому суду. По мнению консулов, неразрешённые дела, оставшиеся в ведении захваченного судебного учреждения, могут быть удовлетворительно решены лишь русской, но никак не китайской юстицией. Дипломаты настаивали на незамедлительной реакции своих держав, т.к. пропуск сроков по гражданскому судопроизводству грозил иностранным истцам значительными денежными тратами [3].

Достоинство, которое председатель суда В.А. Скворцов и его подчинённые проявили перед лицом китайских военных, было высоко оценено правым сегментом русской колонии. Генерал Хорват послал Скворцову благодарственную телеграмму со следующими словами: «Вы и все чины судебного ведомства полосы отчуждения Китайской Восточной железной дороги до конца отстаивали порученное вам дело и до конца высоко держали знамя русского суда, оставшегося на высоте великого назначения» [4].

Между тем нельзя преувеличивать степень монолитности русской колонии в её протесте против китаизации Маньчжурии. Некоторые русские, не дожидаясь законодательного упразднения русских судов, поспешили обратиться за помощью к китайскому правосудию для удовлетворения своих меркантильных нужд. Особое рвение здесь проявили русские домовладельцы Харбина, решившие воспользоваться китайским правом для выселения русских же квартирантов. Газета социалистической Объединённой конференции профсоюзов «Вперёд» сетовала, что «пока харбинско-буржуазные и бюрократические посланцы там, в Пекине, обивают пороги китайских и „дружественно“-державных дипломатов, добиваясь восстановления русских прав, харбинские домовладельцы здесь, в Харбине, обивают пороги китайских судов, добиваясь спешно выселения русских квартирантов, и китайские суды уже завалены этими исками русских „патриотов“» [2] (справедливости ради следует отметить, что мало кто сделал для отмены русской экстерриториальности больше, чем левые активисты Харбина вообще и Объединённая конференция в частности — непримиримая борьба социалистов против «царского посла» Кудашева придала решению китайских властей ореол соответствия нуждам русского пролетариата КВЖД). В Гирин-Биньцзянском суде 23 октября 1920 г. разбирался иск домовладельца Скоблина к его квартиранту. Истец требовал выселить ответчика со снимаемой тем жилой площади без взыскания задолженности в 500 иен, скопившейся за 10 месяцев. Ответчик заявил: что из-за уклонения Скоблина от получения квартирной платы он регулярно перечислял её в депозит Пограничного Окружного суда. Ответчиком были предоставлены квитанции, свидетельствовавшие о совершении им упомянутой денежной операции и о затратах по ремонту квартиры, бремя которых тоже легло на ответчика (в дальнейшем Скоблин признался, что не производил ремонт ни у одного из своих 35 квартирантов). Дело осложнялось наличием у ответчика семьи с несовершеннолетними детьми.

В ходе заседания выяснилось: Скоблин безуспешно судился по поводу выселения ответчика в Пограничном Окружном суде. Потерпев неудачу там, истец обратился в китайский Гири-Биньцзянский суд [2]. Как видим, китайские суды часто использовались состоятельными русскими харбинцами в качестве дополнительной инстанции, где можно было взять реванш за проигранное в русском суде дело.

КИТАЙСКАЯ СТОРОНА ПРЕОБРАЗУЕТ СУДЕБНУЮ СИСТЕМУ: СОДЕРЖАНИЕ АКТОВ 31 ОКТЯБРЯ 1920 г.

Если декрет 23 сентября 1920 г. касался закрытия российской миссии (как «узлового центра» всей российской экстерриториальности), то 31 октября того же года в свет вышли декреты, коренным образом ломающие привычную для русских судебную систему Северо-Восточного Китая. Первый декрет, «Положение об организации судебных установлений в Маньчжурском особом районе», проводил реконструкцию судебных органов на указанной территории. Для удобства китаизации была создана новая административная единица — Маньчжурский особый район (*Дуншэн тэбе цюйюй*) с собственной иерархией судов. В Харбине учреждались судебная палата (*гаодэн шэньпаньтин*) и окружной суд (*дифан шэньпаньтин*), вдоль линии КВЖД — местные судебные камеры (*дифан фэньтин*). Выстроенная иерархия выглядела следующим образом: в качестве судов первой инстанции — местные камеры и учреждённая при окружном суде камера с упрощённым судопроизводством (*цзяньитин*), по отношению к ним апелляционной инстанцией являлся окружной суд, аналогичную же функцию применительно к последнему выполняла харбинская судебная палата. Недовольные решением судебной палаты могли обращаться в общенациональный орган — верховную палату (*далиюань*), — но лишь по вопросам толкования закона. При данных учреждениях состояло от одного до трёх прокуроров (*цзяньчагуань*), которые отправляли свои должностные функции независимо от суда. Дела русских мировых судов передавались местным судебным камерам.

«Положение...» предусматривало очень ограниченное участие иностранцев (русские как таковые не упоминались в документе) в осуществлении правосудия. Иностранные юристы могли быть привлечены к судебному процессу в качестве советников, однако на это требовалось одобрение Министерства юстиции Китая. Кроме того, допускалось привлечение иностранных адвокатов к делам, касающимся иностранцев [14, с. 100—102].

Более подробно порядок русского участия в судопроизводстве расписывался во втором декрете, «Правилах о назначении и увольнении и о деятельности иностранных советников при судебных установлениях в Маньчжурском особом районе». Уточнялся круг лиц, из числа которых Министерство юстиции выбирало иностранных советников для судебных

учреждений Маньчжурии. Эти лица делились на две категории: 1) граждане, занимавшие судебные должности в своём государстве; 2) граждане, которые в настоящее время исполняют обязанности адвоката в своём государстве или исполняли эти обязанности в прошлом. Таким образом, приоритет отдавался юристам-профессионалам, а не просто лицам с большим багажом правовых знаний. К органам, в составе которых служили иностранные советники, относились судебная палата и окружной суд. Только в случаях крайней необходимости советники могли быть командированы в местные камеры. Институт советников создавался для отправления исключительно совещательных функций. Единственное исключение делалось для тяжб, проходивших в местных камерах и касавшихся лишь русских: в такие дела советники могли быть привлечены в качестве помощников. Как видим, «Правила...» практически лишали русских юристов (в т.ч. адвокатуру) возможности влиять на китайское правосудие в судах низшего звена, на чью долю выпадало большинство дел с участием русских граждан. «Лазейка» была предусмотрена только для дел, тяжущимися сторонами в которых являлись только русские, однако и здесь требовалось одобрение Министерства юстиции Китая, не говоря о том, что русский юрист-помощник всё равно находился в подчинении у китайского судьи. В межнациональных делах, гражданских и уголовных, русские оставались на милость китайских чиновников, без всякого намёка на помощь со стороны своей диаспоры [14, с. 103—104].

Попадание под китайскую юрисдикцию граждан страны, стоявшей вместе с другими великими державами у истоков международно-правового надзора над Китаем, сильно било по престижу европейцев (в 1901 г. Россия, наряду с ещё 10 государствами, подписала т.н. боксёрский протокол, которым умалялся суверенитет Китая). Российская дипмиссия, возглавляемая князем Н.А. Кудашевым, предприняла все меры, чтобы действия китайских властей в отношении русских приобрели международный резонанс. Главным аргументом, с помощью которого русский посол надеялся убедить западные державы вступить за русских, была опасность ксенофобии китайских чиновников: те, отыгравшись на беззащитных русских, могли в будущем взяться и за граждан других государств. Итогом переписки между Кудашевым и деканом дипломатического корпуса, испанским послом Луисом Пастором, стала серия обращений последнего от лица всего корпуса в Министерство иностранных дел Китая. В письме от 18 ноября 1920 г. Пастор укорял китайского министра иностранных дел Ян Хуэйцина за нарушение им своих прежних заверений о неприкосновенности прав, предоставленных русским в соответствии с международными соглашениями. Декан дипломатического корпуса указывал на попрание одного из важнейших прав, гарантированных иностранцам в Китае: права нести гражданско- и уголовно-правовую ответственность перед российскими судами и по российскому законодательству. Пастор высказал озабоченность уничтожением российской судебной

системы в зоне КВЖД и той «второстепенной ролью», которую декреты 31 октября отводили иностранным советникам.

Пастор предлагал компромиссный план реформы маньчжурской юстиции. Русские суды и персонал предполагалось сохранить, но ценой их инкорпорации в правовую систему Китая. Действуя от имени Китая, эти суды применяли бы русское законодательство, согласно духу «Положения о применении законов» от 5 августа 1918 г. Следует подчеркнуть, что данный акт был первой китайской кодификацией в области международного частного (коллизийного) права и регулировал вопросы, связанные с личным статусом, наследством, собственностью и формальной действительностью юридических поступков (ориентиром для китайских законодателей служил японский «Закон о праве, касающемся применения законов вообще» 1898 г.) [16, с. 8—9]. В компетенцию старых российских судов входили бы тяжбы между русскими и, возможно, между русскими и прочими иностранными гражданами (не китайцами).

Для слушания дел, в которых интересы русских непосредственно соприкасались с интересами китайцев, Пастор предлагал создать совершенно новые судебные органы. В особых смешанных судах, куда входили бы как китайские, так и русские судьи, решались бы дела, в которых присутствует русский истец. Если же истец являлся гражданином Китая, то дело переходило бы в национальный суд истца или ответчика. Пастор подчёркивал: что предложенный им порядок отвечает временным целям и направлен, в первую очередь, против пересмотра договорных прав и экстерриториальной юрисдикции [14, с. 135—138].

Ответ на письмо Пастора был дан 29 ноября. В нём Ян Хуэйцин провёл разграничительную черту между консульскими судами и русскими судебными органами вдоль КВЖД. Ликвидация первых представлялась министру логичным следствием отказа Пекина признавать российские консульства; проблема подсудности русских исчерпывалась передачей скопившихся в консульствах уголовных и гражданских дел китайским судам. Факт же наличия в полосе отчуждения иных русских судебных установлений Ян Хуэйцин считал покушением на суверенитет Китая. Действие таких судов не оговаривалось в русско-китайском договоре 1896 г. и не вытекало из договоров о консульской юрисдикции, поэтому само учреждение их было самовольным актом со стороны старых российских властей. «Такое выступление из рамок договорных постановлений, — пояснял министр, — собственно говоря, было действием, нарушающим суверенные права Китая, а потому, ещё до прекращения признания Российских Посланника и Консулов в их официальном качестве, как Председатель Правления Общества Кит[айской] Вост[очной] Ж[елезной] д[ороги], так и местные власти неоднократно возбуждали перед Российским Консульством вопрос об их закрытии» [14, с. 140]. Ян Хуэйцин отрицал обвинения в дискриминации русских, напоминая своему адресату, что китайские суды по-прежнему открыты для иностранцев, которым отводились

роли «советников» или «исследователей» (в декретах 31 октября ничего не сказано про отдельный от «советников» институт «исследователей», однако в ответе Пастору Ян Хуэйцин не только упомянул эту должность, но и привёл в скобках её аналог из англосаксонской правовой традиции — *investigators*). Министр сообщал: хотя русские суды никогда не признавались Китаем, новая судебная система Маньчжурского особого района была выстроена по русскому образцу. Внимание оказывалось и персоналу: определённое число русских судей уже получило статус советников и исследователей, некоторые российские граждане заняли письмоводительские и драгоманские должности. В дополнение к этому в судебный процесс допускалась иностранная адвокатура, не была прекращена работа русских нотариусов [14, с. 139—144].

В конечном итоге европейским коллегам Н.А. Кудашева пришлось прекратить попытки добиться улучшения правового статуса русских. Это было связано не только с твёрдой позицией китайского правительства, но и с изменившейся международной обстановкой в регионе. После утраты атаманом Семёновым власти в Забайкалье позиции Белого движения на Дальнем Востоке, казалось, являлись фатально подорванными. Падение Российской Восточной Украины, ведущей правопреемство от колчаковского правительства, означало утрату Белым движением последнего островка легитимной (с «белой» точки зрения) российской государственности. Державы Антанты, не говоря о государствах рангом ниже, не стремились представлять интересы проигравших. Дипмиссия Кудашева в глазах не только русской, но и зарубежной общественности, была тесно связана с лагерем Колчака, Семёнова и Калмыкова. Учитывая очевидную для многих бесперспективность поддержки «царского посольства», а также сомнительную репутацию этого посольства после инцидента с укрывательством атамана Калмыкова (известного расправой над представителями Красного Креста), становится понятным безразличие иностранных дипломатов к судьбе русских в Китае.

РУССКИЕ ПЕРЕД КИТАЙСКИМ СУДОМ: РЕАЛИЗАЦИЯ РЕФОРМЫ НА ПРАКТИКЕ

Издание декретов 31 октября 1920 г. привело к масштабному вторжению в привычную правовую жизнь русской колонии норм китайского законодательства. Агенты китайского правительства старались психологически примирить русских с новым порядком. Для этого в ход шёл аргумент о сходстве между старым российским и новым китайским правом. В беседе с членом президиума Объединённой конференции Н.И. Горчаковским министр юстиции Китая указал на тот факт, что при реформе китайского судопроизводства за образец бралась русская судебная система. Именно с оглядкой на русский пример были построены апелляцион-

ная и кассационная инстанции, введено состязательное начало, отменены телесные наказания, беднякам предоставлялся бесплатный защитник [5].

На практике китайское правосудие ответило всем наихудшим ожиданиям русских. Вскоре выяснилось, что, вопреки заверениям китайских бюрократов, между русским и китайским судом различий гораздо больше, чем сходства. Так, компетенция китайского суда простиралась слишком широко: по отзывам очевидцев, «нет вообще таких действий русского гражданина, которые бы выходили за пределы компетенции китайского суда» [13]. Китайским судьям не было известно о таких юридических понятиях, как давность, невменяемость, неосторожность, необходимая самооборона, аффект, болезненное состояние и т.д. Человека могли вторично привлечь к ответственности по делу, в котором он уже был признан виновным: не только другим судом, но даже тем, который когда-то рассматривал это же дело (sic!). Суд имел право пересматривать иски независимо от желания сторон или от прекращения тяжбы путём обоюдного примирения. Некоторые виды дел (например, о подлогах) суд возбуждал самостоятельно. Дополнительными осложнениями оборачивалось для русских наличие у китайских судей законодательной функции. Например, судьи по собственному усмотрению заполняли пробелы в праве и решали, считать деяние преступным или нет, зачастую расходясь во мнении со своими коллегами из других судов [13].

Однако больше всего нареканий у русской колонии вызвала китайская правовая культура, трудно совместимая с привычными представлениями европейцев о праве, преступлении и суде. В ходе бракоразводных процессов выявилось полное несоответствие русских и китайских представлений о юридической природе брачных отношений между супругами. Китайский суд с особой бережностью охранял институт семьи и болезненно реагировал на адюльтер. Уголовным преступлением считалась измена жены, но не мужа [15, с. 208]. Жалобы оскорблённого мужа, как правило, хватало для того, чтобы на законных основаниях подвергнуть неверную жену тюремному заключению [13]. В результате суд превращался в орудие бытовой мести. Данная сторона китайского правосудия крайне болезненно отозвалась на русских женщинах, уровень эмансипации которых был значительно выше, чем у китаянок. В 1921 г. русскую колонию потрясло дело госпожи Гиршман, которая за 3 года до этого покинула мужа и обзавелась новой семьёй, где появились дети. По жалобе оставленного супруга Гиршман вместе со своим вторым мужем была брошена в тюрьму, условием же её освобождения ставилось возвращение к жалобщику. Вмешательство прессы заставило Министерство юстиции Китая охладить пыл местных чиновников, но воззрения китайской юриспруденции на место женщины в обществе не изменились. По замечанию русских свидетелей тех событий, «китайцы продолжают в том же духе. Они не только не позаботились об усвоении европейских форм в деле „защиты“ русских, как о том хлопотали бывшие русские чиновники, но и ещё

прививают русскому обществу свои чисто азиатские взгляды, в том числе взгляд на женщину, как на вещь» [13]. Гендерная специфика двух стран наслаивалась на юридический конфликт судей и подсудимых, порождая новое недовольство. Если для китайских властей русские являлись инородным элементом, бывшими «эксплуататорами» Китая, которых по возможности надо нейтрализовать внешне законными средствами, то для русских китайцы оставались «варварами», чьи «азиатские взгляды» несут угрозу самому бытию русской колонии.

Судопроизводство по делам о наследовании также не удовлетворило запросов русской публики. Споры о наследстве в китайском гражданском процессе подчинялись исковому порядку, что едва ли устраивало российских граждан, привыкших к охранительному порядку при решении споров данной категории. 11 ноября 1920 г. в Гирин-Биньцзянском суде состоялось слушание первого крупного гражданского процесса по вопросам наследования: иск вдовца погибшей М.С. Белан, Г. Белана, его глухонемой дочери и находящихся в России двух дочерей к двум замужним дочерям покойной — Айзенштейн и Александровой. В ходе слушания нормы российского законодательства — процессуальные и материально-правовые — не применялись, хотя в составе суда находился российский гражданин, драгоман Казаков. Многое из того, что творилось в зале суда, противоречило духу и букве старых российских законов: допрос свидетелей вёлся без удаления их в свидетельскую комнату и без приведения к присяге, все свидетели одновременно находились возле судейского стола и записывали свои показания собственноручно. По словам очевидцев, «всё судопроизводство носило крайне хаотический и сумбурный характер, совершенно недопустимый с точки зрения европейского юриста» [7].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Демонтаж российской правовой системы негативно сказался на положении русского общины Китая. Китайские власти приложили немало усилий, чтобы создать иллюзию заботы о русском меньшинстве, однако на практике все изданные Пекином нормативные акты вели к дискриминации русских. Президентский декрет о прекращении признания российской дипмиссии от 23 сентября 1920 г. подрывал основы российской юрисдикции в Маньчжурии, декреты же от 31 октября того же года закрепляли примат китайского права и господство китайских чиновников в районах с большой долей русского населения. Атака китайского государства на русские правовые институты стала возможной благодаря краху правительства А.В. Колчака в январе 1920 г. После катастрофы, постигшей Белое движение в Сибири, посольство Н.А. Кудашева потеряло ореол легитимного представительства России на китайской территории. Зависимость российской судебной системы в Китае от дипломатических

учреждений привела к тому, что с ликвидацией консульств прекратили своё существование и консульские суды. Другие судебные органы (мировые суды, Пограничный Окружной суд в Харбине) были упразднены или китаизированы в рамках создания Маньчжурского особого района. Несомненно, в ответствии китайского законодательства правовым воззрениям русской колонии вело к нарастанию напряжённости в русско-китайских отношениях; русские, ещё недавно обладавшие привилегиями, оказались поставлены в неравное положение по сравнению с китайцами. Негативный опыт, накопленный русскими эмигрантами при знакомстве с китайским правосудием, отчуждал их от страны, которая, ведя она иную политику, могла бы стать их второй Родиной. Отмена экстерриториальности вкупе с явно просоветскими шагами китайских правительств (принятие в Пекине миссии ДВР во главе с И.Л. Юриным, старые связи министра иностранных дел Ян Хуэйцина с большевиками и т.д.) превращала русских в серьёзную протестную силу, критически трактующую усиление китайского государства. Этот вектор поведения русской колонии подтвердился сперва в ходе поддержки ею антикоммунистической группировки маршала Чжан Цзолиня, а позднее — в сравнительно лёгкой адаптации эмигрантов в условиях японского вторжения и реставрации Маньчжурской империи (Маньчжоу-Го).

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Аблова Н.Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Минск: БГУ, 1999. 316 с.
2. Вперёд. 1920. № 196. 27 октября. С. 4.
3. Голос Родины. 1920. № 303. 7 октября. С. 2.
4. Голос Родины. 1920. № 319. 27 октября. С. 1.
5. Голос Родины. 1920. № 330. 10 ноября. С. 2.
6. Голос Родины. 1920. № 336. 17 ноября. С. 2.
7. Куликова Н.В. Политико-правовое положение россиян в Северо-Восточном Китае (1917—1931 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2005. 248 с.
8. Наземцева Е.Н. На дипломатическом уровне: проблемы правового статуса русских эмигрантов в Китае в советско-китайских отношениях (1920—1940-е гг.). СПб.: Алетейя, 2016. 446 с.
9. Олейников И.В. Деятельность администрации Китайской Восточной железной дороги в 1917—1920 гг.: социально-экономические, политические и правовые аспекты: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2003. 232 с.
10. Персиц М.А. Дальневосточная республика и Китай. Роль Дальневосточной республики в борьбе Советской власти за дружбу с Китаем в 1920—1922 гг. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. 304 с.
11. Русский голос. 1920. № 92. 24 октября. С. 3.
12. Свет. 1920. № 446. 27 октября. С. 3.
13. Слово. 1921. № 398. 7 сентября. С. 2.

14. Собрание документов, касающихся деятельности Российской Миссии в Китае за период 1 ноября 1917 г. — по 31 декабря 1920 г. Пекин: Типо-литография Русской Духовной Миссии, 1920. 160 с.
15. Bernhardt K. *Women and the Law: Divorce in the Republican Period* / ed. by K. Bernhardt and P. Huang. Civil Law in Qing and Republican China: Stanford: Stanford University Press, 1994. 340 p.
16. Zheng Sophia Tang, Yongping Xiao, Zhengxin Huo. *Conflict of Laws in the People's Republic of China*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2016. 512 p.

REFERENCES

1. Ablova N.E. *Istorija KVZhD i rossijskoj jemigracii v Kitae (pervaja polovina XX v.)* [History of CER and Russian emigration in China (the first half of the 20th century)]. Minsk, BGU Publ., 1999, 316 p. (In Russ.)
2. *Vpered*, 1920, no. 196, October, 27, p. 4. (In Russ.)
3. *Golos Rodiny*, 1920, no. 303, October, 7, p. 2. (In Russ.)
4. *Golos Rodiny*, 1920, no. 319, October, 27, p. 1. (In Russ.)
5. *Golos Rodiny*, 1920, no. 330, November, 10, p. 2. (In Russ.)
6. *Golos Rodiny*, 1920, no. 336, November, 17, p. 2. (In Russ.)
7. Kulikova N.V. *Politiko-pravovoe polozenie rossijan v Severo-Vostochnom Kitae (1917—1931 gg.)* [Political and legal status of Russians in North-Eastern China (1917—1931)]. Khabarovsk, 2005, 248 p. (In Russ.)
8. Nazemceva E.N. *Na diplomaticheskom urovne: problemy pravovogo statusa russkikh jemigrantov v Kitae v sovetsko-kitajskih otnoshenijah (1920—1940-e gg.)* [At the diplomatic level: the legal status of Russian emigrants in China in the Sino-Soviet relations (the 1920s — the 1940s)]. Saint-Petersburg, Aletejja Publ., 2016, 446 p. (In Russ.)
9. Olejnikov I.V. *Dejatel'nost' administracii Kitajskoj Vostochnoj zheleznoj dorogi v 1917—1920 gody: social'no-jekonomicheskie, politicheskie i pravovye aspekty* [The activities of administration of the Chinese Eastern Railway in 1917—1920: socio-economic, political and legal aspects]. Novosibirsk, 2003, 232 p. (In Russ.)
10. Persic M.A. *Dal'nevostochnaja respublika i Kitaj. Rol' Dal'nevostochnoj respubliki v bor'be Sovetskoj vlasti za družbu s Kitaem v 1920—1922 gg.* [Far Eastern Republic and China. The role of the Far Eastern Republic in the struggle of the Soviet government for friendship with China in 1920—1922]. Moscow, Izd-vo vostochnoj literatury Publ., 1962, 304 p. (In Russ.)
11. *Russkij golos*, 1920, no. 92, October, 24, p. 3. (In Russ.)
12. *Svet*, 1920, no. 446, October, 27, p. 3. (In Russ.)
13. *Slovo*, 1921, no. 398, September, 7, p. 2. (In Russ.)
14. *Sobranie dokumentov, kasajushhija dejatel'nosti Rossijskoj Missii v Kitae za period 1 nojabrja 1917 g. — po 31 dekabrja 1920 g.* [A collection of documents related to the activities of the Russian Mission in China for the period 1 November 1917 — 31 December 1920]. Beijing, Tipografija Russkoj Duhovnoj Missii Publ., 1920, 160 p. (In Russ.)
15. Bernhardt K. *Women and the Law: Divorce in the Republican Period* / ed. by K. Bernhardt and P. Huang. Civil Law in Qing and Republican China. Stanford, Stanford University Press Publ., 1994, 340 p. (In Eng.)
16. Zheng Sophia Tang, Yongping Xiao, Zhengxin Huo. *Conflict of Laws in the People's Republic of China*. Cheltenham, Edward Elgar Publ., 2016, 512 p. (In Eng.)